

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

• ЖЕМЧУЖНЫЕ ТЕНИ •

В тот момент, когда она увидела в ванне распростертое, выгнутое судорогой, явно мертвое тело Николая, время вдруг стремительно стало раскручиваться назад, с безумной скоростью листая эпизод за эпизодом — словно ребенок прокручивает пальцем страницы книги или монтажер пустил фильм в ускоренную обратную перемотку, — и в памяти пронеслись те моменты, что были связаны (или, может, наоборот, нет, НЕ были связаны, а просто случайно совпали?) с ее, Татьяниним, последним путешествием и тем убийством, которое здесь, в пятизвездном отеле «Колизеум», только что приключилось...

Кто сказал, что супергерои не болеют?

Уж на что Татьяна наша Садовникова, казалось, в огне не горит и в воде не тонет. Успешно борется с бандитами, террористами, находит сокровища, спасает мать и любимо-

го отчима, носится по всей планете!.. Однако и эту великолепную сивку укатали крутые горки. И болезнь подкралась с той стороны, откуда не ждала. Всю жизнь Татьяна гордилась, про себя, да и вслух, что желудок имеет практически луженый. Острейшую корейскую морковку он у нее без проблем переваривал. Черемшу с рынка. Южные приазовские солёности типа маринованного арбуза. На Мальдивах, в Индии и Японии местные специалисты без проблем ела, даже рыбу фугу. А уж повседневное меню всегда начиналось на завтрак остренькой сырокопченой колбаской и чернющим кофе.

Не говоря уж о том, что никакого режима питания не соблюдалось. Когда дедлайны в рекламном агентстве, не до чинных обедов с супчиком. Хорошо, если помощница-секретарша пиццу догадается принести или бургер. Схватишь на бегу, диетколой зальешь — и дальше побежала креативничать.

А бесконечные нервы-нервы в ходе приключений!

Или сидение без крошки во рту в секретной американской тюрьме, или в трюме у бандитов. Или гостевание в бедняцкой греческой семье. Или ночные прогулки в морги на таинственном острове в поисках улики.

Ясно, что полные стрессов приключения
6 вряд ли благотворно сказываются на челове-

чьих внутренних органах. И у каждого организма имеется свой запас прочности, который однажды берет и подступает к пределу.

И вот... Впрочем, ничего особо гибельно-страшного с Татьяной и ее ЖКТ (желудочно-кишечным трактом) не происходило. Подташнивало иногда, особенно после еды. Какая-то (извините за подробность) неприятная кислая отрыжка являлась. Под правым ребром порой тянуло. Не смертельно, но неприятно.

Так что когда выдалось на работе посленовогоднее затишье, Садовникова записалась на прием к гастроэнтерологу.

Как многие высокооплачиваемые столичные сотрудники — да еще в западной фирме работающие! — Садовникова лечилась в медцентре за изрядную страховку. Почти все окружающие ее друзья-родственники отказались, волей-неволей, от услуг бесплатной муниципальной медицины. Отчим Валерий Петрович, как бывший чекист и разведчик-нелегал, обслуживался в поликлинике, которую скромно именовал «мидовской». В последние годы он туда же и бывшую супругу Юлию Николаевну пристроил — так что *мамми* лишилась, к ее сожалению, важнейшей темы для рассказов Танечке о том, как она сражается с противными эскулапами за повышение качества обслуживания.

Напротив, в повествованиях мамочки появились благодные темы: о великолепных, 7

внимательных мидовских врачах, замечательном медперсонале, паркетных коридорах. Она и Таню туда попыталась сосватать — под причитания: ты бы видела, какие там встречаются в высшей степени достойные молодые люди! Однако Садовникова-младшая наотрез отказалась; да и отчим взмолился, что не в состоянии для всей семьи организовывать спецполиклинику — есть же границы!

Впрочем, за Танину медицинскую страховку ее компания и без того бешеные тысячи платила.

В медцентре ей сразу посоветовали сделать УЗИ и анализ крови. К доктору Татьяна пришла уже вооруженная неясным черно-белым сканом своего живота.

Докторица ей сразу понравилась: кандидат меднаук, молодая, вдумчивая — типичнейшая уаррі, young professional, как сама Садовникова. Она долго мяла пациентке живот, потом выспрашивала анамнез, заполняла карту в компьютере.

— Что со мной, доктор? — проговорила пациентка; отчасти она пародировала трагический надрыв, а отчасти и впрямь несколько трусила — обстановка врачебного центра, к которой она не была приучена, так и навевала мысли о серьезном, возможно, неизлечимом

— Хронический панкреатит, стадия обострения, — молвила докторица, звали ее, кстати говоря, Мария Яковлевна. Потом оторвалась от компьютера, увидела погрузневшее лицо Татьяны и успокаивающе добавила: — Ровно никаких поводов для беспокойства я не наблюдаю. Конечно, диета, пятый стол. Плюс я вам выпишу пищевую добавку, лагозу. Вдобавок могу порекомендовать, если имеется возможность: а поезжайте-ка вы, Татьяна Валерьевна, на курорт. На воды.

— Онегин едет к докторам, — в задумчивости процитировала Таня, — те хором шлют его к херам.

— По-моему, у Пушкина не совсем так было? — подняла бровь врачиха. Она оказалась начитанной не только в сфере заболеваний кишечника.

— Да. У солнца русской поэзии иначе: «Онегин едет к докторам — те хором шлют его к вода́м». Но вы никогда не задумывались, почему Пушкин — вообще-то король рифмы! — вдруг столь странно рифмует? «Вода́м — докторам» — далеко не лучшее созвучие.

— Возможно, вы правы, — рассмеялась докторица. — Мне и еще одно место про минеральные воды у «нашего всего» нравится. Как там, бишь? — Она наморщила лоб, припоминая. — «Там, возле вод его волшебных, больных теснится чахлый рой...»

Татьяна вдохновенно подхватила, на ходу поправляя специалиста по животам: «...Вокруг ручьев его волшебных Больных теснится бледный рой; Кто жертва чести боевой, Кто почечуя...» — И пояснила: «Почечуй» — это геморрой, — врачиха со знанием дела кивнула, мол, сама знает, а пациентка продолжила цитирование: «кто почечуя, кто Киприды», — жертва Киприды, это совершенно ясно, у кого венерическое заболевание. — И триумфально завершила:

Страдалец мыслит жизни нить
в волнах чудесных укрепить,
кокетка злых годов обиды
на дне оставить, а старик
помолодеть — хотя на миг.

Врачиха взглянула на девушку со смесью восхищения и некоторой опаски. Улыбнулась:
— Вы что, филолог?
— Типа того. Рекламист.

Не станешь же объяснять, что целую строфу из «Путешествия Онегина» Татьяна не от бескрайней любви к Александру Сергеичу выучила, а потому, что «Российские минеральные воды» ей рекламную кампанию заказывали, и она хотела их на Пушкина склонить — но они не повелись: слишком старо, сказали, скучно, народ не поймет. Однако

строки в садовниковской памяти остались. Можно при случае впечатление произвести.

Как хорошо все-таки не в районной поликлинике лечиться! Врачам на многое времени хватает: и успокоить, и позубоскалить, и поэзию обсудить. А докторица меж тем неспешно вернулась к основной теме разговора:

— Могу порекомендовать хорошие воды при вашем заболевании — Чехия, Королевские Вары. У них там сейчас как раз низкий сезон. А самый лучший отель в городе, «Коллизеум», вдобавок дополнительную скидку объявил, двадцать процентов. У меня там главврач знакомая, доктор Яна Горакова. Я ей позвоню, она вас в хороший номерок поселит, лично наблюдать будет.

— Вы от них процент, что ли, за каждого больного получаете? — бухнула циничная Татьяна — да, испорчена она была столичной *бизнесовой* жизнью и рекламной тусовкой.

— О нет! — рассмеялась отнюдь не обиженная врачиха. — Они в клиентах правда не нуждаются. Просто вам хочу помочь, вы мне симпатичны. Да и доктору Гораковой о себе напомнить. Подарите ей от меня баночку икры по приезду. Вы ведь раньше в Кенигсбадене, или в Королевских Варах, не бывали?

Татьяна еще как бывала! Она даже вздрогнула, когда Мария Яковлевна произнесла это 11

название. Здесь когда-то стартовали ее приключения — точнее, оттуда она вылетела в Шереметьево и затем на Северный полюс, чтобы по пути познакомиться с журналистом Димой Полуяновым и игроком Игорем Старых и начать погоню за красным бриллиантом¹; в Королевских Варах они с Юлией Николаевной принялись искать старого возлюбленного матери²... И отель «Колизеум» она, разумеется, знала — он заслуженно считался лучшим в курортном городке: мрачным и величественным замком возвышалась гостиница-санаторий над всей округой, славилась лучшими врачами, процедурами и кухней.

Но оба раза — и когда только закручивались ее авантюры, и в самой их сердцевине — Таня пребывала на водах в роли спутника, можно сказать, балласта, только из любопытства припадающего к животворным источникам. Теперь ее посылали туда, как ни крути, в качестве пациента.

Да! Время текло — и утекали воды! Может, и впрямь послушаться знающей докторши и отправиться подлечиться?

¹ См. первый роман Анны и Сергея Литвиновых «Отпуск на тот свет».

² См. роман Анны и Сергея Литвиновых «Три последних дня».

* * *

С икрой для доктора Гораковой обошлись по-современному: Татьяна купила ее в ближайшем супермаркете, а Мария Яковлевна перевела девушке на карту деньги. От себя Садовникова добавила в дар чешской врачихе коробку российских конфет.

Действительно, конец января в отеле — низкий сезон. Желудочно-кишечные больные стягивались туда в периоды обострений, весной и осенью. Однако цены за номер, с учетом даже дополнительной двадцатипроцентной скидки, все равно оказались выше, чем у всех остальных в городе. Гостиница пять звезд, что вы хотите.

И трансфер из аэропорта стоил сто двадцать евро — барство дикое! Таня подумала-подумала и заказала билет на «студенческий» автобус из Праги, всего за десять европейских тугриков.

Студенческим автобус назывался потому, что обслуживали его студиясы; в процессе поездки раздавали бесплатно кофе и вай-фай; шел маршрут напрямиком из аэропорта до автостанции Кенигсбада.

Ну и что, что зима! Пусть деревья все голые, зато снега нет и трава зеленая. И еще по сторонам дороги хмель растет, а рекламных баннеров, в отличие от нас, совсем мало. И большинство из тех, что есть, — про пиво. 13

Поэтому наплевать, что Татьяна совсем одна, без спутника и даже без подруг, и вроде как едет лечиться. Зато предстоят две недели блаженного ничегонеделанья, приятных процедур, прогулок и, возможно, встреч и впечатлений!

Так думала Татьяна по пути из аэропорта.

Час с небольшим езды, и вот среди гор показался городок — уже знакомый по прошлым впечатлениям: маленький, ухоженный, с краснокирпичными крышами, закрытый в долине, меж склонов, заросших лесом. А воздух какой! Вкуснейший, поразительно чистый-чистый.

Да, дыхание — вот она, отправная и, может быть, главная точка всякого лечения.

От автостанции до отеля Таню довез лихой таксист, без труда, несмотря на ее свободный английский, угадавший в ней русскую — а кто еще, спрашивается, будет прибывать в самый дорогой отель на самом дешевом автобусе?!

Багаж забрал портье; на рецепции выдали ключ от номера на шестом этаже и подтвердили, что доктор Гораква будет ждать Татьяну Валерьевну через полчаса. Налили приветственный бокал шампанского. Да еще и вручили штук пять флаерсов на бесплатный коктейль «Кир» в ночном клубе при гостинице.

— А как же диета? — весело осведомилась

— Это является необходимой частью процедур, — проговорил без тени юмора рецепционист. По-русски он изъяснялся свободно — да и среди посетителей гостиницы, которые протекали мимо, пока шло оформление, категорически преобладал «великий и могучий, живой и свободный»¹. Таня и без того помнила, что среди кенигсбадских пациентов преобладают русскоязычные; однако в нынешние времена — судя по автобусу, таксисту и постояльцам — их стало много больше, чем прежде.

Номер оказался в самом деле великолепным. Роскошный паркет, люстра, драпировки. Мебель красного дерева. Из высоких окон открывался вид на старый городок, с трех-четырёхэтажными разноцветными домиками, стоящими плечом к плечу друг с другом, с уютными отелями и казино — он весь разлегся ниже «Колизеума», практически у ног старого отеля. Татьяна с удовольствием обозревала панораму лесистых склонов долины. Где-то там, вдали, в прогалине, можно было разглядеть новостройки, автостраду, реку. Если открыть окна — пахнёт свежестью и послышится отдаленный шум; если затворить — разительная тишина даже не намекает

¹ Неполная и неточная цитата из «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: «...о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..»